

С. Н. ГЛИНКА В СПОРЕ О «СТАРОМ» И «НОВОМ» СЛОГЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Н. Н. Лупарева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2010 г.

Аннотация: *статья посвящена позиции известного в начале XIX столетия драматурга, поэта и журналиста Сергея Николаевича Глинки в споре о «старом» и «новом» слоге русского языка, явившемся важной страницей общественно-политической жизни России начала XIX в. Этот спор касался отнюдь не только языковых вопросов, а более широких общественно-политических: если лингвистические взгляды «новаторов» ассоциировались с либеральной общественно-политической позицией, то «архаисты» придерживались консервативных убеждений. Однако в некоторых случаях элементы данных языковых концепций могли соединяться в сочинениях одного автора. В статье на примере публицистики С. Н. Глинки рассмотрен один из таких случаев.*

Ключевые слова: *спор о «старом» и «новом» слоге, ранний русский консервативный национализм, либерализм, русский язык, церковнославянский язык, «коренной» язык.*

Abstract: *the article is devoted to a position of the famous in the early of the XIX century play writer, poet and journalist Sergey Nikolayevich Glinka in a discussion about an «old» and «new» style of the Russian language. The dispute was an important feature of the Russian socio-political life at this period and touched upon not only linguistic questions, but also huge socio-political problems. Linguistic opinions of the supporters of the «new» style were associated with a liberal socio-political persuasion, whereas the «old» style advocates were conservatives. Sometimes, however, the elements of these linguistic conceptions might have interlaced in the texts of the one author. The article is analyzed one of such cases using example of S. N. Glinka's writings.*

Key words: *a discussion about an «old» and «new» style, early Russian conservative nationalism, liberalism, Russian language, Church Slavonic language, «fundamental» language.*

Важным явлением общественно-политической и культурной жизни начала XIX в. был спор между сторонниками «старого» и «нового» слога, или «архаистами» и «новаторами». По общему признанию исследователей, он выходил за сугубо лингвистические рамки и носил мировоззренческий характер, касаясь широкого круга общественно-политических проблем [1, с. 26–50; 2, с. 444; 3, с. 18–29; 4, с. 168–254; 5, с. 18–19; 6, с. 19]. Начало его условно можно отнести к 1792 г., когда впервые была опубликована знаменитая повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». Посвященная любви простой крестьянской девушки и написанная ясным, доступным, простым языком, она положила начало новому сентиментальному направлению в литературе, а его лидер Н. М. Карамзин вскоре приобрел множество подражателей. Однако для некоторых литераторов «несерьезный, легкий» карамзинский подход, ориентированный на западные, прежде всего, французские образцы, оказался неприемлем. Взгляды этой группы выразил А. С. Шишков в вышедшем в 1803 г. «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка» [7,

с. 35–40; 8, с. 239–253]. А. С. Шишков и его сторонники рассматривали язык как субстанцию, которая предопределяет мирозерцание человека. С их точки зрения, в природе, строе и духе национального языка содержится освященный национальной историей и традицией комплекс нравственных устоев, который автоматически вместе с языком вливается в сознание носителя и приводит его к определенным мыслям и поступкам, соответствующим духу нации [3, с. 24]. Таким образом, в их критике карамзинистов речь шла не только о стремлении последних усвоить западную, прежде всего, французскую словесность, но и о неизбежно сопровождавшей этот процесс переориентации русского общества на французские культурно-поведенческие модели и игнорировании национальной культурно-исторической традиции [8, с. 240].

Одним из представителей сторонников «старого» слога в начале XIX в. был известный драматург, поэт, журналист и издатель первого в России консервативно-националистического журнала «Русский вестник» Сергей Николаевич Глинка. В круг литераторов, близких А. С. Шишкову и позднее составивших «Беседу любителей русского слова», С. Н. Глинка вошел

приблизительно в 1806–1807 гг. Судя по переписке, с ними он обсуждал и корректировал детали своей трагедии «Михаил, князь Черниговский» [9, с. 201], которая фактически была завершена к маю 1807 г. [9, с. 204]. В дальнейшем многие беседчики, в частности А. С. Шишков, Г. Р. Державин, Д. И. Хвостов, С. А. Ширицкий-Шихматов и др., печатались на страницах «Русского вестника», издававшегося с 1808 по 1821 г. [10, с. 373–410]. На примере публицистики С. Н. Глинки мы попытаемся отчасти раскрыть логику мышления этой группы литераторов относительно вопросов языка и показать, как иногда в их рассуждениях преломлялись взгляды противоборствующей стороны. При этом мы сосредоточимся на тех аспектах языковых концепций «архаистов» и «новаторов», которые нашли отражение в сочинениях С. Н. Глинки [2, с. 430–454; 4, с. 168–254; 11, с. 45–76; 12, с. 192–204; 13, с. 512; 14, с. 23–121].

Вопросам языка С. Н. Глинка не отводил того значительного места, какое они занимали в произведениях А. С. Шишкова. Если последний рассматривал язык как центральный элемент национальной культурно-исторической традиции, то для Глинки таким элементом было «отечественное воспитание» как средоточие и транслятор культурных, нравственных, общественно-политических ценностей, созданных конкретным народом за историю его существования; а национальный язык выступал лишь как одно из его звеньев. Тем не менее Глинка разделял взгляды А. С. Шишкова на роль языка в общественной жизни, поэтому его также волновала проблема засилья иностранных языков в обиходе русского образованного общества, когда «неусыпно занимаясь иностранными наречиями и не выезжая из России, мы живем и воспитываемся, как будто бы в земле иноплеменной» [15, с. 78]. Глинка имел в виду не только языковые вопросы: в соответствии с шишковистской языковой концепцией, чтение иностранной литературы и переводов оборачивалось превращением русской действительности в «перевод [здесь и далее курсив С. Н. Глинки. – Н. Л.] мод, дел и умствований иноплеменных» [15, с. 79]. Речь шла, прежде всего, о французском языке, на котором большая часть аристократии и дворянства говорила, писала и даже думала. Поэтому, пытаясь вернуть своих читателей к отечественному языку, издатель «Русского вестника» не просто указывал на его достоинства, но делал акцент на его превосходстве перед французским языком.

Примечательно, что, решая этот вопрос, шишковисты исходили из сформулированного просветителями, прежде всего Ж.-Ж. Руссо, представления о том, что более совершенным является тот язык, который «естественнее», ближе к «Природе» [3, с. 24; 11, с. 63–64]. Таким и представлялся им отечествен-

ный язык, и его «природность» они рассматривали с нескольких сторон. Во-первых, отечественный язык «образовался сам собою» или «сам из себя», т.е. явился творением природы, а не человека [3, с. 26]; с момента своего возникновения «изобилен был и богат, но еще более обогатился красотами, заимствованными от сродного ему Эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие Христианские проповедники» [8, с. 245], т.е. лингвистическими достоинствами создавших высокую культуру античной греческой и высокую нравственность византийской православной цивилизаций. Французский же язык «изник из развалин языка Латинского, который пал от развращения нравов народа на нем говорившаго» [3, с. 26; 7, с. 40]. Подобное «низкое» происхождение французского языка во многом объясняло для архаистов истоки революционных событий в этой стране, следственно «высокая» природа языка русского означала соответствующие перспективы развития России.

Второй аргумент А. С. Шишкова и его сподвижников в пользу «естественности» отечественного языка – это обилие в нем сложных слов, т.е. слов с проясненной внутренней структурой. Таким образом, связь знака с денотатом в нем оказывалась более непосредственной. Согласно архаистам, такой язык как бы преодолевал условную природу человеческого языка. Как убедительно показывает Л. Н. Киселева, это положение языковой теории архаистов было генетически связано с идеями Руссо, для которого «условная природа языка предопределяет человеческую ложь, а искренность связана с отказом от всякой условности, в том числе языковой. Развивая эту идею Руссо, «старшие архаисты» пишут о том, что языковая условность разрывает непосредственную связь между словом и действием, поступком, дает возможность, говоря одно, делать другое» [3, с. 25].

С. Н. Глинка развивает этот тезис. С его точки зрения, вторжение французского языка в русский выражается не только в заимствовании французских слов, но и в изменении значения русских. Например, в статье «Нравственное объяснение некоторых слов и речений» он говорит, что слово «равнодушный» изменило свое значение с «равный, сходный душою» на «хладнокровный», а «утонченный» с отрицательного значения, производного от «умаления», приобрело значение положительное – «приятный, изощренный учением хороших образцов» [16, с. 91–103]. Подобные метаморфозы отражаются в нравах общества: «С изменением значения слов изменяются и понятия; слова тесно соединены с мыслями, а мысли с делами. Что же воспоследует, если каждое столетие и полустолетие, слова, понятия и деяния наши будут

изменяться; наконец, если каждый год и каждый месяц, будем *образовываться* по прихотям вкуса и мод заграничных?» [16, с. 91].

Понятно, что влияние «безнравственного», «уловного» французского языка автоматически ведет к порче нравов. В этом контексте Глинка подчеркивает «природность» и «естественность» русского языка в том смысле, в котором его понимали в лагере А. С. Шишкова: «Мы из двух или трех имен составляем одно, и тем самым не простое воспоминание вещи возбуждаем в памяти, но и образ ее представляется воображению: *сладкогласный, самодержавный, великосердый, громоносный* и проч... Такого стихотворного соединения не терпит язык французский» [15, с. 69; 17, с. 66]. Этот акцент усиливается введением антитезы: Глинка не просто говорит о бедности французского языка, но и ссылается на соответствующее мнение наиболее популярных в России французских просветителей. Так, в статье «Вольтерово рассуждение о бедности французского языка» он приводит следующее высказывание этого мыслителя: «Все доказывает варварство щеголеватого Французского языка» [17, с. 66]. В этой же статье приводится мнение Вольтера о греческом языке, который он называет изящнейшим именно в силу обилия сложных слов. Глинка комментирует это следующим образом: «Тоже можно сказать и о Русском языке, присовокупляя к тому, что красоты оно усугубились богатством, занятым от Греческого слова» [17, с. 72]. То есть издатель «Русского вестника» признает и первый из указанных постулатов последователей А. С. Шишкова. Однако взгляды Глинки обладали некоторой спецификой.

В отечественном языке А. С. Шишков выделял два слога или наречия: церковнославянский язык, который посвящен важным предметам (это слог Священного Писания, торжественных од и пр.), и русский язык, на котором разговаривают и пишут тексты более простые (фольклор, сатиры и пр.). При этом он отталкивался от ошибочного с историко-языковой точки зрения положения о том, что церковнославянский язык был «корнем и началом» русского языка, и именно через церковнославянский язык русский обогатился красотами греческого слова [8, с. 245–246]. Глинка же в одной из статей «Русского вестника» за 1810 г. осмелился утверждать «еретическую» для архаиста мысль об историческом первенстве и самостоятельном существовании русского языка независимо от церковнославянского: «Славянский язык в сродстве с Русским... *Какой же был старинный Русский язык, и не осталось ли от него хотя некоторых следов?* К счастью, песнь о полке Игоря разрешает хотя отчасти сей вопрос; в ней находим свидетельство о коренном Русском слове» [18, с. 129–130]. Можно

согласиться с мнением Л. Н. Киселевой, отметившей здесь влияние на Глинку языковой позиции главы противоборствующего литературного лагеря Н. М. Карамзина. Согласно мнению этой исследовательницы, Глинка в этом пассаже фактически воспроизводит следующее высказывание лидера «новаторов»: «Авторы или переводчики наших духовных книг образовали язык их совершенно по Греческому... изменили первобытную чистоту древнего Славянского. *Слово о полку Игореве*, драгоценный остаток его, доказывает, что он был весьма отличен от языка наших церковных книг» [3, с. 27]. Интересно, что о Н. М. Карамзине Глинка на страницах своего издания упоминал с не меньшим пиететом, чем об А. С. Шишкове.

На рубеже 1810–1811 гг. вышли две значительные работы А. С. Шишкова – брошюра «Рассуждение о красноречии Священного Писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно...» и книга «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки: а) Разговор I. О правописании; б) Разговор II. О русском стихотворении», в которых он развивал основные положения своей лингвистической теории [7, с. 50–53]. Их появление ознаменовало новый виток полемики между «архаистами» и «новаторами». В пятом и седьмом номерах «Русского вестника» за 1811 г. были напечатаны «Выписки из разговоров о словесности, сочиненных А. С. Шишковым», которые Глинка снабдил своими сочувственными комментариями [15, с. 8–43; 19, с. 80–130]. Видимо, результатом размышления над ними можно считать статью «Замечания о языке славянском и о русском или светском наречии», появившуюся в том же седьмом номере «Русского вестника» за 1811 г. С. Н. Глинка осознавал идентичность своей общественно-политической позиции взглядам членов уже появившейся к этому времени «Беседы», как и то, что его схема развития русского языка выходит за рамки шишковистской системы и никак не согласуется с утверждением Шишкова, согласно которому славянский язык является корнем и началом русского. Поэтому Глинка попытался оправдаться: «*Может быть светский язык* неправильно назвал я *коренным словом*. Но если и погрешил я в том, то еще повторяю, что отнюдь не помышлял отделить Русского языка от Славянского» [15, с. 57–58]. Пытаясь согласовать эти утверждения, Глинка заявляет: «Договоры Олега... предшествовали у нас преложению духовных книг: следственно язык или слово светское предварило слог духовный. В тех *договорах чистый язык* Славянский ибо нет ни одного иностранного слова» [15, с. 57]. Таким образом, «коренной язык» – язык, лишенный заимст-

вований из чуждых по духу иностранных языков. В этом смысле – «по духу» – русский и славянский – это один язык.

Однако, вслед за Шишковым, Глинка уточняет, что они составляют «два наречия, нераздельные по сродству, но различные по употреблению» [15, с. 90]. Он предлагает следующую концепцию развития русского языка: «старинный» или «коренной» русский язык, который «служит к разговорам, к изображению мыслей и к начертаниям Природы» [15, с. 86], существовал до принятия христианства, о чем свидетельствуют договоры русских князей с греками; он сохранился и после крещения Руси, это доказывает «Слово о полку Игореве», которое Глинка трактует как памятник светской литературы [20, с. 97–100]. Первое вторжение «чужезычия» произошло через славянский язык при переводе греческих книг. Причем Глинка рассматривает этот языковой симбиоз именно как вторжение, в чем опять же близок к позиции карамзинистов, считавших церковнославянский язык особым, которому надо учиться как иностранному, а славянизмы – заимствованиями, которые надлежит устранить из «чистого» русского языка [2, с. 433]. Зато «под игом Татар, Славянский язык, охраняемой благочестием и Верою, пребыл неизменен и непоколебим: Русский начал заражаться чужезычием» [15, с. 87]. «Со времени тесного сближения России с Европою» пострадали оба языка: «Русский слог затмили чужезычием; в язык Славянский начали вносить речи, величину его несвойственные» [15, с. 70], хотя русский язык, безусловно, «пострадал» больше.

Таким образом, примыкая к лагерю А. С. Шишкова в языковой полемике начала XIX в., Глинка отличался и некоторой самостоятельностью взглядов, приближавшей его к противоборствующему лагерю во главе с Н. М. Карамзиным. Глинка был солидарен с Шишовым по вопросам о роли лингвистических заимствований и их влиянии на развитие русского языка, о красоте, богатстве и преимуществах русского языка перед французским, о функциональном предназначении различных слогов отечественного языка. Вместе с тем он гораздо менее тенденциозен в своих лингвистических взглядах. Так, откровенно идеологизированное утверждение Шишкова, что «корнем и началом» русского языка является церковнославянский, для главы архаистов означавшее установление преемственности с православными ценностями было вначале отвергнуто Глинкой. Основываясь больше на знакомых ему исторических источниках и фактах, нежели движимый своими идеологическими убеждениями, Глинка первоначально занял позицию, больше близкую карамзинистам, и настаивал на историческом первенстве светского русского языка. Однако в пору очередного обострения

полемики в 1811 г., которое нагнеталось предчувствием событий 1812 г., ему пришлось окончательно определиться со своей позицией в этом споре и полностью согласиться с концепцией Шишкова, к лагерю которого он несомненно принадлежал по своим общественно-политическим позициям. Хотя, на наш взгляд, это согласие было скорее дипломатической мерой, нежели реальным признанием правильности позиции Шишкова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства / М. Альтшуллер. – М., 2007.
2. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII в. / В. М. Живов. – М., 1996.
3. *Киселева Л. Н.* К языковой позиции «старших архаистов» (С. Н. Глинка, Е. И. Станевич) / Л. Н. Киселева // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1983. – Вып. 620.
4. *Лотман Ю. М.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту, 1975. – Вып. 358.
5. *Минаков А. Ю.* Франкобесие / А. Ю. Минаков // Родина. – 2002. – № 8.
6. *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи / О. Проскурин. – М., 2000.
7. *Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков / М. Г. Альтшуллер // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А. Ю. Минаков. – Воронеж, 2005.
8. *Минаков А. Ю.* Рассуждение о старом и новом слоге русского языка А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма / А. Ю. Минаков // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в Новое и Новейшее время. – Воронеж, 2002.
9. *Державин Г. Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота / Г. Р. Державин. – СПб., 1876. – Т. 6.
10. См. роспись номеров «Русского вестника» в: *Колупанов Н.* Биография А. И. Кошелева : в 2 т. / Н. Колупанов. – М., 1889. – Т. I, кн. 2.
11. *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М. ; Л., 1935.
12. *Ионин Г. Н.* Спор «древних» и «новых» и проблема историзма в русской критике : 1800–1810 гг. / Г. Н. Ионин // XVIII в. – Л., 1981. – Сб. 15.
13. *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. История литературы. Критика. – СПб., 2001.
14. *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. – М., 1969.

15. Русский вестник. – 1811. – № 7.
16. Русский вестник. – 1811. – № 8.
17. Русский вестник. – 1808. – № 7.
18. Русский вестник. – 1810. – № 5.
19. Русский вестник. – 1811. – № 5.

20. Киселева Л. Н. Еще раз о С. Н. Глинке – читателе «Слова о полку Игореве» / Л. Н. Киселева // *Finitis luodescum lusris* : сб. статей к 60-летию Ю. М. Лотмана. – Таллинн, 1982.

Воронежский государственный университет

Лупарева Н. Н., аспирантка, старший преподаватель Воронежского института высоких технологий

E-mail: nlupareva@vmail.ru

Тел.: 79-09-38, 8-920-416-50-40

Voronezh State University

Lupareva N. N., Post-graduate Student, Senior Teacher of the Voronezh Institute of High Technologies

E-mail: nlupareva@vmail.ru

Tel.: 79-09-38, 8-920-416-50-40